

ляется ИЧ того же СГ (*джэ́нг кя́рдэ́н* — *джэ́нгидэ́н* «воевать») (с. 122—123). В некоторых случаях не совпадают компонентирующие глаголы: *тэ́йе зя́дэ́н* «опираться» (с. 158), *тэ́лефон кя́рдэ́н/зя́дэ́н* «звонить по телефону» (с. 128) в таджикском известны лишь с глаголом *кардан*; в персидском недопустимо сочетание *та́брик* и *кя́рдэ́н* (с. 25), в таджикском же свободно варьируется *та́брик кардан/наму́дан* «поздравлять».

Таким образом, подобные монографические исследования ценны и для сравнительно-типологического изучения языков, в частности, на фразеологическом уровне.

Отметим, что рецензируемая работа имеет и большое практическое значение. Многие ее положения могут быть использованы при решении некоторых спорных вопросов лексикографии, разработке теории перевода, а также при написании учебников и учебных пособий по персидскому языку. В ней представлена стройная система терминологии, удобны и приемлемы условные сокращения наиболее употребительных терминов.

Значительная работа, подобно рецензируемой, — всегда поиск, потому неизбежны и отдельные недочеты. Не совсем

удачно, например, по нашему мнению, назван «переменным» (с. 32 и сл., 102, 106, 108, 154) один из обязательных компонентов в лексемном составе моделированных ФЕ. Его следовало бы, возможно, именовать «немоделирующим» в противовес их моделирующему компоненту. В литературе «переменным» компонентам/членам, не входящим в лексемный состав ФЕ, но связанным с ее структурой и значением (т. е. «вставочному компоненту» — ВК, по терминологии автора), противостоят «постоянные». Сам автор квалифицирует ВК как «непостоянный» (с. 118), «переменный» (с. 176) член ФЕ.

Неясно также, каким образом «...ФЕ может иметь все значения переносные...» (с. 33), ведь термин «переносное значение» предполагает наличие непереносного, прямого.

В заключение еще раз подчеркнем большое теоретическое и практическое значение фундаментального труда Ю. А. Рубичика. Выражаем надежду, что автор в дальнейшем обратится и к теории лексикографической интерпретации ФЕ, имеющей прямое отношение к разработке основ персидской фразеологии.

Хушенова С. В., Гаффаров Р.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). — М.: Наука, 1981. 182 с.

Рецензируемая работа составляет продолжение труда того же названия, первая часть которого была посвящена имени [1]. В данной работе объектом исследования выступают важнейшие грамматические категории глагола, имеющие общетюркский характер. Форма «очерков», как представляется, обусловлена современным состоянием разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, в частности морфологии, которое требует внимания прежде всего к интерпретации узловых проблем развития грамматической системы и воссоздания ее праформ. Задача подобного исследования — предложить ключ к верификации развития; морфологических систем конкретных тюркских языков и укрепить фундамент для разработок на большую историческую глубину. В экспликации наиболее спорных фундаментальных положений сравнительной грамматики тюркских языков нам видится отличие данной работы от аналогичных и пока немногочисленных работ в тюркологии. Методика исследования строится как восхождение от установления современного состояния к общетюркскому, характеризовавшемуся грамматическими подсистемами в целом современного типа, т. е. реконструируется поздний хронологический срез общетюркского состояния.

Особенность морфологической системы тюркских языков (незатемненность морфемы, четкий морфемный шов в слове, преимущественно однозначное соответствие аффикса и грамматического значения и др.) позволяет в модели реконструкции общетюркского состояния опираться на

материал всех тюркских языков. Это объясняет опору прежде всего на данные современных языков и их диалектов, колоссальный охват которых составляет одну из примечательных черт рецензируемого труда. Глубина реконструкции в данной работе ограничена только общетюркским языковым состоянием. Алтайстическая проблематика автором отвергается как по принципиальным соображениям (отсутствие генетического родства), так и в силу убеждения в том, что решению алтайской проблемы должно предшествовать определение пратюркского состояния. Вместе с тем следует отметить, что автор не отвергает возможность тюрко-монголо-тунгусских морфологических заимствований как один из подходов к алтайской гипотезе.

Работа включает краткое «Предисловие» (с. 3—4), в котором автор подчеркивает единство методов описания и принципов интерпретации в обеих частях «Очерков»; «Сокращения» названий памятников, грамматик, словарей, специальных работ, использованных автором (с. 5—7); «Введение» с двумя разделами: «К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках», где снова затрагивается вопрос об изначальном синкретизме именных и глагольных основ, и «Общие замечания о морфологии глагола» с анализом морфологической структуры глагольной словоформы и ее развития на фоне разграничения имени и глагола (с. 8—21). Глава I (с. 22—138) посвящена формам словоизменения — полновербальным (финитные формы) и формам неполной вербальности, к кото-

рым нетрадиционно отнесены лишь деепричастия. Формы полной вербальности даны через присущие им грамматические категории лица-числа, интеррогативности, наклонения, отрицания, возможности, залога. К формам неполной вербальности примыкает рассмотрение форм интенсивной процессуальности и вспомогательных глаголов. Глава II (с. 139—154) содержит анализ общетюркских аффиксов глагольного словообразования и вспомогательных глаголов, сыгравших важную роль в тюркском словообразовании. Глава III (с. 155—170) «О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках» раскрывает взгляды автора на агглютинацию и соответственно природу аффиксальных морфем, их происхождение и принципы их этимологизации. Работа имеет ряд приложений: список реконструированных праформ (с. 171), именной указатель (с. 172—175), указатель коллективных монографий (с. 176), указатель аффиксов, рассматриваемых или упоминаемых в работе (с. 177—182).

Во «Введении» автор специально останавливается на вопросе о происхождении глагола в тюркских языках, поскольку первичность финитных или нефинитных форм до сих пор обсуждается в тюркологической литературе. А. М. Щербак еще раз подчеркивает, что имя и глагол как грамматические классы появились одновременно и сохранившиеся синкретичные основы в тюркских языках служат тому подтверждением. Однако морфологическое выделение глагола было более поздним процессом. Оно происходило на базе имен действия, выступавших со значением наименования процессов и состояний и обусловивших дальнейшее семантическое многообразие глагольных форм современных тюркских языков, структуру времен и наклонений (с. 13). Необходимо подчеркнуть и ту мысль работы, что синкретичность первообразных глагольных основ отразилась и в природе имен действия, но с определенной предрасположенностью к интенсификации именных или глагольных признаков. К общему пласту древнейших тюркских имен действия отнесены *-b̄i ~ -bu, -iñ ~ ~ -yñ, -mak, -ma, -iñ ~ -yñ, -ik ~ -yk, -iŷ ~ -yŷ, -i ~ -y ~ -a, -it ~ -yt, -in ~ ~ -yn, -m̄iñ, -b̄in ~ -bun ~ -ban* и др. Заметим, что сам взгляд на их синкретичную глагольно-именную природу ставит вопрос о характере той системы, которую они создавали. По мысли автора, решающим в становлении собственно глагольных (финитных) форм было включение в состав исходного имени действия личного местоимения как неотъемлемого компонента его категориального содержания: «степень глагольности устойчиво выполняющих предикативные функции имен действия находится в прямой зависимости от уровня формализации слившихся с ними личных местоимений» (с. 17). С этим связана и отстаиваемая автором точка зрения на единый — лично-местоименный — тип спряжения. Внешнее сходство некоторых показателей лица с аффиксами принадлежности объясняется широко развитыми процессами стяжения лично-

предикативных аффиксов в глагольных формах.

Интерпретация собственно глагольной формы как особого грамматического класса связана с пониманием структуры глагольной словоформы в тюркских языках, чему было специально уделено место в первой части «Очерков». Анализ морфологической структуры глагольной словоформы, с одной стороны, ориентирован на синхронное состояние глагола: выдержанный в терминах грамматики порядок, он последовательно членит предельно возможную словоформу на аффиксальные морфемы (лица, наклонения, времени и т. д.). Принадлежность некоторых порядков (например, интеррогативности, как, впрочем, и лица) к морфологии не только глагола для целей данной работы признается автором не существенной в силу того, что конечной целью анализа является установление исходного состояния системы, которое предполагает первоначальную грамматическую нераздельность имени и глагола. Именно поэтому автор не останавливается специально и на обычно дискуссионном вопросе о том, что представляет собою глагольно-именная основа типа *-ban* в составе глагольной словоформы и определительного сочетания (как причастие). Вместе с тем А. М. Щербак достаточно определенно высказывается против того, чтобы считать такое образование оморфным, поскольку грамматически «причастия» едины, синкретичность присуща им как таковым (с. 24). Думается, однако, что решение этого вопроса имеет прямое отношение к пониманию именно эволюции формы. С одной стороны, однотипные в плане формального анализа глагольные словоформы *al-ŷi-m* и *al-ban-man* «я взял» оказываются разными с точки зрения «внедрения» показателя лица в основу времени. Несмотря на четкий морфемный шов, в первом случае морфема лица неразросторжима с показателем времени, чем *al-ŷi-m* и отличается от второй словоформы. Именно поэтому во второй форме некоторые исследователи и видят лишь синтаксическую функцию причастия. Таким образом, оставаясь на формально-морфологической позиции, трудно доказать, что *al-ban-man* это полновербальная форма, а именно полная вербальность и признается в работе как основное свойство собственно глагольных (финитных) форм. Как представляется, к признанию оморфии ведет то, что полновербальная форма входит в другой класс, в иную подсистему, отношения внутри которой во многом и определяют ее семантическое развитие на протяжении истории. Материальная природа формы имени действия и ее семантический потенциал несомненно определяют путь, по которому пойдет в ней развитие вербальности, но не меньшую роль играет здесь и ее вхождение в определенную подсистему.

Анализ аффиксальных морфем в работе осуществляется по их категориальной принадлежности к внутренним членением по однородным категориям. Приводятся парадигмы с опорой на литературную норму, но учитываются также все зарегистрированные формы по диалектам и

письменным памятникам. В этой группе несомненный интерес представляют как реликтовые формы, так и речевые реализации той или иной морфемы, которые могут пролить свет на формальное изменение аффикса. В этом плане хотелось бы отметить раздел, посвященный категории лица, формальная пестрота которой в целом аргументированно сводится к исходным формам личных местоимений. Правда, традиционно спорные вопросы о происхождении показателя 1-го л. мн. ч. *-k*, 1-го л. мн. ч. *-līm*, *-līn* и др. все же остаются таковыми. Думается, что процессы фонетических преобразований в формах желательного и повелительного наклонений должны вести к признанию разной относительной хронологии в становлении форм лица. Вообще не всегда стяженные формы могут быть поставлены в параллель к стяженным. Так, вряд ли в словоформе типа *башлајман* «начну-ка» можно видеть полную форму в параллель к стяженной *башлајн* (с. 37): первая форма наряду с *башлабайман* является результатом стилистической контаминации *-байман* и *-айн*, свойственной поэтическим произведениям. С точки зрения осознания структуры словоформы можно сомневаться в указании Абу-Хайяна на то, что во 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения мог употребляться афф. *-сіз* (с. 32): перед нами скорее эмфатическое позиционное употребление личного местоимения, т. е. *тыруң сіз*. Не до конца убеждает чисто фонетическое объяснение афф. 1-го л. ед. ч. *-ін*, имея в виду его постоянный вокализм, или возведение афф. повел. наклонения *-сін* к форме имени действия с аффиксом принадлежности, где остаются неясными как семантические основания, так и позиционные условия преобразования именной формы в глагольную.

Вопрос о происхождении форм желательного наклонения затемненностью своей морфологической структуры давно привлекает внимание тюркологов, существует значительная литература, но все же до сих пор нет единства в понимании генетических и функциональных связей элементов этой категории. Наиболее спорные положения сводятся к следующему: а) связаны ли генетически форма *-ба(j)*, представленная в памятниках и некоторых современных языках как опатив, и форма *-а(j)* — общетюркская основа желательного наклонения, б) следует ли огузскую форму будущего-опатива *-а* (с разрозненной на современном этапе парадигмой) ставить в прямую связь с *-ба(j)* или с *-а* — формой индикатива в большинстве современных языков, кроме огузских, в) следует ли в этом *-а* видеть общий источник с *-а(j)* желательного наклонения. Думается, что работа А. М. Щербак дает убедительные доводы в пользу взгляда на разнородность *-ба(j)* и *-а(j)*. Привлекает и гипотеза о связи общетюркского *-а(j)* с именем действия **-а*. Правда, здесь остаются все же неясными те преобразования, которые дали *-j* и которому трудно приписать характер соединительного звука. Что касается связи огузского *-а* с *-а* типа татар. *ала-м*, якут. *ала-бын* и др., то их отождествление представляется сомнительным.

В пользу разграничения этих форм говорит то, что восточнотюркское *-а* не обнаруживает тенденций к модальному развитию (опатив, наклонение гипотаксиса), столь характерному для огузского *-а* и восточнотюркского *-ба(j)*. Вообще гипотеза о значительной роли имени действия **-а* в сложении собственно глагольных форм, конструктивная сама по себе, требует все же многих объяснений. Так, неясно, почему одна и та же форма (*-а*) стала и модально отмеченной (основа желательного наклонения), и модально нейтральной (элемент индикатива) одновременно. Неясно, что в ее исходном состоянии могло предопределить предполагаемый путь развития. Возможность значимого варьирования (*-i ~ -y ~ -a*) А. М. Щербак отвергает. В связи с этим можно заметить, что доказательство нерелевантности огласовки на примерах типа *бардīm ~ бардум ~ бардам* «я пошел» в данном случае не убеждает, так как здесь смыслоразличительную функцию имела консонантная часть аффикса. Приписать незначимую одофонемному аффиксу, состоящему из одной гласной, довольно трудно, если не видеть в нем в свою очередь преобразованный консонантный аффикс. Поэтому предложенная гипотеза о роли **-а* требует семантического обоснования. Чисто формальное вычленение формы *-а* в производных образованиях, давших основу форм будущего времени, могло бы убедить, если бы грамматическое значение компонентов могло объяснить дальнейшее развитие этих дериватов как форм глагольного словоизменения. Так, неясна линия развития *-а + -jak* в сопоставлении с *-а + + -сї*, если *-сї* — это аффикс принадлежности (с. 56). В происхождении вторичных имен действия, возможно, не следует отвергать путь их образования в составе предикативной синтагмы путем слияния первичного имени с частицей, энклитикой или каким-либо другим полуслужебным элементом, как это допускается автором в толковании форм повелительного наклонения. Идея «сопровождающих» аффиксов, к сожалению, осталась не раскрытой.

Если в анализе косвенных наклонений большее место занимает уяснение происхождения форм и их многообразия по языкам, то в анализе индикатива внимание автора прежде всего привлекает сама организация этой подсистемы, в которой отмечается переплетение модальных, временных и аспектуальных значений. В соответствии с восстанавливаемыми праформами уже общетюркское состояние было отмечено системой форм современного типа, в которой темпоральный признак выступает ведущим. В современных языках сфера будущего организована противопоставлением будущего предположительного *-ар (< * (°) p)* и будущего категорического (**-каj*). Справедливо подчеркивается разное положение по языкам формы *-(°)p* в современных языках. Думается, однако, что значение предположительности стало инвариантом этой формы далеко не во всех языках. В большинстве из них *-(°)p* передает лишь потенцию действия, не обязательно

связанную с субъективным отношением говорящего, что обычно входит в признак предположительности. Сфера настоящего почти во всех языках имеет две формы: для настоящего актуального и настоящего общего (настоящего-будущего). Для общетюркского реконструируется $*-a$ — настоящее и $*-(^o)r$ — аорист (вневременная форма). В толковании $-a$ автор исходит из его первичности в отношении к $-a + \text{тырур}$, с чем можно согласиться, поскольку исторический период тюркского глагола отмечен постоянной реактуализацией форм настоящего через вспомогательные глаголы в форме $-(^o)r$. Думается, это свидетельствует о количественной характеристике действия в $*-(^o)r$. По-видимому, значение презенса развилось в нем на основе признака множественности $\sim$ длительности, а не на основе «вневременности». Думается, было бы правильнее рассматривать в общетюркском $*-(^o)r$ как форму презенса, вытеснявшую в этом качестве $*-a$. Иначе трудно объяснить отсутствие последней в огузском индикативе (конечно, если согласиться с тем, что огузская финитная форма $-a$, представленная в памятниках и некоторых диалектах, к рассматриваемому $-a$ не имеет отношения). Мысль о разной относительной хронологии форм $*-a$ и $*-(^o)r$ в тюркологической литературе связана с гипотезой о предшествующем состоянии глагольной системы в общетюркском, в которой $-a$ не имело темпорального значения и значимым образом соотносилось с $-i \sim -y$ [2]. С этой гипотезой связано и толкование огласовки в $-(^o)r$, принадлежность которого одновременно к классу узких и широких аффиксов является в современном языке своего рода аномалией. Как бы ни интерпретировать это варьирование в древнейшую эпоху, нельзя не видеть тенденцию к фиксации широкого варианта в том случае, если происходит сужение потенциала формы до значения будущего предположительного. Что касается азербайджанского феномена, где узкая разновидность выступает как настоящее конкретное (с возможностью передавать и значения настоящего общего и будущего потенциального), а широкая в основном со значением будущего [3], то трудно согласиться с А. М. Щербак, который в узкой разновидности видит стяжение из перифрастической формы типа $ала + \text{юрүр}$. Предполагаемое стяжение дает, как правило, сохранение консонантного элемента $-(j)$ или долготу, что не отмечено в азербайджанской форме [4]. Кроме того, форма настоящего конкретного, а именно такое происхождение предполагается в узкой разновидности азербайджанского $-(^o)r$, не передает будущее, что также мешает выводить азерб. $-ir$ из перифрастического сочетания со значением презенса.

Сфера прошедшего представлена взаимодействием разных семантических оппозиций, в современном языке выступающих в противопоставлении форм претерита, перфекта и имперфекта. Для общетюркского реконструируется противопоставление $*-rI(y)$ (прошедшее) и $*-nI\text{ш}$, $*-кан$ — перфект. Общетюркская при-

надлежность $*-кан$ как элемента системы полновербальных форм все же нуждается в обосновании.

В работе поддержана точка зрения на развитие $-di$ как финитной формы из имени действия. Она скорректирована таким образом, что прототипом формы $-di$ предполагается не $-dik \sim -dyk$, но $-di\text{в} \sim -dy\text{в}$, что может объяснить падение согласного в исходном имени действия. Правда, вопрос остается открытым, так как автор допускает возможность происхождения $-di$ и из формы с конечным гласным. По-видимому, справедлива мысль о том, что $-di$ не переносит перфективности как таковой, вместе с тем нельзя согласиться с ее толкованием как формы с внутренним исчерпанным действием (с. 81), поскольку это наводит на мысль о предельности, которой в этой форме нет и которая может быть лишь следствием аспектуального контекста.

При рассмотрении залога разнородность значений форм этой категории, а также общие положения о парадигматической соотнесенности членов грамматической категории вынуждают автора признать условность объединения залоговых форм в общую категорию залога. По мысли автора, каждый залог образует самостоятельную оппозицию к действительному залогу. Действительно, соотношение лексической валентности глагола и грамматического значения залога является не только вопросом грамматической теории, но и особенно проблемой исторического развития глагольной системы тюркских языков. Поэтому закономерно, что А. М. Щербак уделяет в своей работе много места не только соотношению значений и последовательности их развития в формах залога, но и вопросу о происхождении залоговых форм. Здесь особенно отразилась общая концепция автора о происхождении грамматических форм, которая раскрывается в специальном разделе, завершающем работу. В оценке возможных в обшленигвистическом плане способов образования аффиксальных морфем А. М. Щербак отдает предпочтение агглютинации и в гораздо меньшей степени фузии [5], полагая, что слияние морфологических показателей с переразложением или упрощением «происходит независимо от способа образования морфологических показателей и не содержит никакой информации о происхождении последних» (с. 163). В принципе возможность возведения тюркского аффикса к самостоятельному слову не вызывает сомнения, тем более что история тюркских языков дает достаточно материала для подтверждения этого взгляда. Однако часто этот процесс предстает не как преобразование комплекса примыкающих основ, но как грамматикализация уже существующей словоформы (ср. сложение форм презенса). Кроме того, поиски объяснения происхождения аффиксальной морфемы, ориентированные обязательно на определенную лексическую единицу, как представляется, таят в себе опасность перехода к той глубине реконструкции, на которой для праязыкового состояния постулируются уже иные типологические черты (например, аморфности). Обраще-

ние к фузии при объяснении причин именно данного сращения предполагаемых формантов конструктивно для понимания семантической эволюции аффиксальной морфемы. Несомненно, что это предполагает и большую хронологическую глубину реконструкции.

В свете актуальной задачи развития сравнительно-исторической тюркологии труд А. М. Щербака является значительным вкладом в ее осуществление. Работа предлагает, как кажется, одну из возможных моделей реконструкции общетюркского языкового состояния и несомненно будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

Грунина Э. А.

1. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.
2. Doerfer G. Der Imperativ im Chaldsch. — FUF, 1972, XXXIX, 3.
3. Ахундов А. А. Фе'ли заманлары. Баки, 1961, с. 73, 90.
4. Рустамов Р. Э. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Баки, 1965, с. 213.
5. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. 138 с.

Лингвистика текста — одна из наиболее актуальных проблем современного языкознания. За последние годы появилось много как советских, так и зарубежных исследований по этой тематике, опубликованы статьи, сборники [1—3], защищены диссертации [4—6] — и все-таки в лингвистике текста остается много нерешенных вопросов.

Рецензируемая книга предлагает авторское решение некоторых из наиболее острых проблем теории текста: исследуются текст как целое, его отношение к языку и речи, его категории и единицы. Все положения книги доказываются на примерах, почерпнутых из разных языков (в основном, русского и английского); кроме того, рассматриваются тексты неодинаковой стилистической принадлежности — художественные (поэзия и проза), деловые и газетные. Анализируются тексты классических авторов и современных писателей (Шелли, Лермонтов, Диккенс, Л. Толстой, Воннегут, Чехов, Мердок, Шриттматтер и т. д.). Все сказанное свидетельствует о доказанности основных положений разнообразным материалом. Этим книга И. Р. Гальперина выгодно отличается от других работ по лингвистике текста, ограниченных по используемому материалу, а потому и по возможностям приложения теории [7—9].

И. Р. Гальперин рассматривает текст «как упорядоченную форму коммуникации, лишённую спонтанности» (с. 11). Тем самым текст, по его мнению, существует только в письменном варианте литературного языка (с. 15). Эта мысль (вероятно, не бесспорная) представляется весьма плодотворной, позволяющей отделить организацию письменную речь от спонтанной разговорной речи [10]. Однако всякая ли устная речь лишена организации? Думается, что публичная устная речь — речь ораторов (лекторов, адвокатов и т. д.) дает примеры организованной речи, т. е. текстов. В этих текстах, как показывают наблюдения, слабо выражена только одна текстовая категория — членность речи, ос-

тальные же категории, выделяемые И. Р. Гальпериным, присущи и монологическим устным текстам (но не разговорной речи).

Плодотворна мысль автора о том, что грамматические категории текста вызваны к жизни таким экстралингвистическим фактором, как отсутствие адресата, к которому обращена речь. Это, однако, заставляет усомниться в исключительной принадлежности текстовых категорий письменной речи. Отсутствие адресата характерно и для многих видов современной устной речи (выступления по радио, телевидению). С другой стороны, наличие адресата речи, но отсутствие с о б е с е д н и к а характерно для многих видов публичной речи (лекции, речи адвокатов и т. д.).

И. Р. Гальперин относит текст к системе не языка, а речи. Текст не воспроизводится, а всегда «представляет собой сознательно организованный результат речетворческого процесса» (с. 3). Однако влияние языка на текст им не отрицается. Выдвигаемые категории сам автор не считает единственно возможными и подчеркивает, что «опыт наблюдения над параметрами текста настоятельно выдвигает гипотезу о том, что текст является средоточием организованного, упорядоченного, запрограммированного и врывающегося случайного, незапрограммированного, возникающего в процессе его создания» (с. 4). Предложенные автором характеристики являются показателями организованности, упорядоченности текста. Не ясно, однако, отношение автора к случайному. Не является ли случайное в тексте отступлением от норм его организации, речевыми ошибками? Ответа на этот вопрос в книге И. Р. Гальперина мы не находим.

Большинство выделяемых И. Р. Гальпериным текстовых категорий бесспорно: завершенность (с особой ролью заголовка), членность, когезия. Некоторые категории кажутся более частными, несамостоятельными, характерными не для всех текстов, иногда для текстов только худо-